

Странное завершение забытого спора.

Еще въ 1893 году я непечаталъ въ 19-й книгѣ „Вопросовъ Философіи и Психологіи“ статью подъ заглавіемъ: „Новый психофизиологическій законъ г. Введенскаго“. Эта моя статья представляла отвѣтъ на «Вторичный вызовъ на споръ о законѣ одушевленія», помѣщенный проф. А. И. Введенскимъ въ 18 книгѣ «Вопросовъ философіи и психологіи». Въ своемъ «Вызовѣ» А. И. Введенскій «принялъ на себя обязанность» отвѣтить каждому, кто захочетъ опровергать приводимыя имъ въ его брошюрѣ «О предѣлахъ и признакахъ одушевленія» соображенія въ пользу установленнаго имъ психофизиологическаго закона: «матеріальные процессы *во всяхъ* безъ исключенія тѣлахъ протекаютъ *всегда* такъ, какъ если бы нигдѣ и никогда не было душевной жизни», — и обнаружить несостоятельность всякаго теоретическаго доказательства чужого одушевленія, если только оно не будетъ исходить изъ трансцендентно-метафизическихъ предположеній (Вопр. фил. и псих., кн. 18, стр. 123). Въ моей статьѣ я, послѣ разсмотрѣнія доводовъ А. И. Введенскаго, изложилъ доказательство реальности чужого одушевленія, которое признаю наиболѣе строгимъ и безупречнымъ въ логическомъ отношеніи. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе двадцати лѣтъ и никакого отвѣта я не получалъ. И только недавно, въ своей «Психологіи безъ всякой метафизики», проф. А. И. Введенскій посвятилъ моей довольно подробной статьѣ ровно двадцать строкъ (Психологія, изд. 2, 1915, стр. 76 — 77). Въ этихъ строкахъ А. И. Введенскій увѣряетъ, что я «построилъ доказательство чужой одушевленности, но не чисто-имманентное (?), а явно метафизическое», и что поэтому онъ оставилъ мое доказательство безъ отвѣта, какъ явно не удовлетворяющее выставленному имъ условію, — построить такое доказательство чужой одушевленности, «которое не исходило бы ни изъ какихъ метафизическихъ предпосылокъ».

Долженъ сознаться, что я былъ крайне изумленъ этой запоздалой отпиской отъ серьезнаго спора, не мною вызваннаго. На-

чать съ того, что еслибъ даже А. И. Введенскій былъ правъ, и въ моемъ собственномъ доказательствѣ чужого одушевленія и въ самомъ дѣлѣ заключались бы какія-нибудь «трансцендентно-метафизическія предпосылки», ему все-таки едва ли было бы дозвоительно пройти мою статью молчаніемъ, хотя бы въ виду того обстоятельства, что около половины ея (Вопр. фил. и псих., кн. 19, стр. 63 — 72, 80 — 81) посвящено разъясненію довольно грубыхъ логическихъ ошибокъ, въ которыя впалъ А. И. Введенскій при обоснованіи своего «психофизиологическаго закона»; между тѣмъ онъ не только принялъ на себя «обязанность» опровергнуть всякое возраженіе противъ его доказательствъ защищаемаго имъ закона (а указаніе логическихъ ошибокъ развѣ не возраженіе?), но продолжаетъ повторять тѣ же самыя ошибки и въ своихъ позднѣйшихъ попыткахъ оправдать свой законъ (см. Психологію, стр. 67 — 71). Но далѣе я долженъ самымъ рѣшительнымъ образомъ протестовать противъ взведенной на меня уважаемымъ авторомъ напраслины: въ моемъ доказательствѣ реальности чужого одушевленія никакихъ трансцендентно-метафизическихъ предпосылокъ «ни матеріалистическихъ, ни спиритуалистическихъ, ни теизма, ни деизма и т. д.» («Вторич. вызовъ», стр. 123) *не внесено* и это сдѣлано мною съ полнымъ сознаниемъ: въ этомъ случаѣ я не только уступалъ поставленному проф. А. И. Введенскимъ условію, но и подчинялся чисто принципиальнымъ соображеніямъ. Въ моихъ глазахъ—и на это я много разъ указывалъ—независимая отъ насъ реальность чужого сознанія и чужого одушевленія есть наиболѣе элементарное и наиболѣе неотразимое по своей убѣдительности трансцендентно-метафизическое допущеніе, которое при этомъ открываетъ путь къ цѣлому ряду другихъ трансцендентныхъ допущеній, неразрывно и неустранимо съ нимъ связанныхъ; съ другой стороны, едва ли можно дѣлать сколько-нибудь содержательныя и внутренне обоснованныя теистическія, деистическія, спиритуалистическія и какія бы то ни было другія метафизическія предположенія, пока мы готовы думать, что кромѣ нашего единоличнаго *я* ничего на свѣтѣ нѣтъ, а все остальное ему только кажется; поэтому, при оправданіи реальности чужого сознанія, нѣтъ смысла исходить изъ какихъ-нибудь предварительныхъ трансцендентно-метафизическихъ предпосылокъ, которыя помимо всего другого, всегда будутъ менѣе убѣдительны, чѣмъ истина о чужомъ сознаніи. Этому правилу

я строго слѣдовалъ въ построеніи моего доказательства. Въ своемъ цѣломъ оно распадается на двѣ части: первая представляетъ *чисто-логическое* изслѣдованіе понятій о *совпадении, случайности, разумъ* и нѣкоторыхъ другихъ, соприкасающихся съ ними, которое заключается въ аналитическомъ сопоставленіи всѣхъ этихъ понятій между собою; въ результатѣ этого сопоставленія выводится, что сложная, постоянная и очевидная осмысленность чужихъ дѣйствій съ необходимостью предполагаетъ наличность *чужой интеллигенции, чужой мысли* или *чужого ума* (Вопр. фил. и псих., кн. 19 стр. 72, 74—75). Вторая часть доказательства, *эмпирическая*, показываетъ высокую вѣроятность внутренней однородности умственной и душевной жизни у нашихъ ближнихъ съ нашей собственной (тамъ же, стр. 77—78). Важнѣйшія мною доказываемыя положенія я резюмирую на стр. 79 моей статьи въ слѣдующихъ словахъ: «Постоянное и безконечно разнообразное совпаденіе, во всѣхъ дѣйствіяхъ подобныхъ намъ тварей на землѣ, чисто-механическихъ двигателей съ ясно наблюдаемыми цѣлями этихъ дѣйствій есть величайшій абсурдъ. Поэтому существованіе независимаго отъ насъ, *объективнаго* разума въ основѣ воспринимаемой нами цѣлесообразности чужихъ дѣйствій теоретически несомнѣнно; и съ другой стороны, сходная съ нашею одушевленность другихъ людей и животныхъ есть предположеніе теоретически вѣроятное въ такой высокой степени, какъ только можетъ быть вѣроятно какое-нибудь эмпирическое обобщеніе». (При этомъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ я разумѣю *вѣроятность* не въ условномъ и специальномъ математическомъ смыслѣ этого понятія, а въ общелогическомъ и всякому доступномъ значеніи *правдоподобія* и *удобоприемлемости* для мысли.) Свое доказательство реальности чужого одушевленія я называю *телеологическимъ аргументомъ*, «въ его наиболѣе ясной, простой, эмпирически наглядной формѣ» (тамъ же, стр. 73).

Къ большому моему удивленію, это названіе, повидимому, совсѣмъ сбило съ толку моего критика и даже внушило ему увѣренность, что онъ уловилъ трансцендентно-метафизическую предпосылку моего доказательства. Онъ говоритъ (Псих., стр. 76): «Въ общемъ же все доказательство Л. М. Лопатина исходитъ изъ той произвольной и явно метафизической предпосылки, съ помощью которой строятъ телеологическій аргументъ существованія Бога, именно: будто бы цѣлесообразное можетъ существовать

не иначе, какъ при томъ условіи, чтобы оно было создано (?) какимъ-либо творческимъ (?) умомъ». Профессоръ А. И. Введенскій не захотѣлъ обратить вниманія на то, что въ моемъ доказательствѣ никакой рѣчи ни о «творческомъ» умѣ, ни объ его «созданіяхъ» нѣтъ, и что я настоятельно отличаю (Вопр. фил. и псих., кн. 19, стр. 80—81) свой аргументъ отъ телеологическаго аргумента бытія Божія, ибо въ этомъ послѣднемъ дѣло идетъ о конечныхъ (и потому метафизическихъ) цѣляхъ существованія и объ осуществляющемъ ихъ Божественномъ разумѣ, а въ моемъ аргументѣ говорится о повседневныхъ житейскихъ цѣляхъ самыхъ заурядныхъ людей и даже животныхъ. Однако, что особенно для меня непостижимо,—какъ могъ А. И. Введенскій не замѣтить, что мое утвержденіе о необходимости допустить, для объясненія дѣйствительной осмысленности чужихъ дѣйствій, независимую реальность чужого ума, — есть вовсе *не предпосылка* моихъ разсужденій, а *доказываемое въ нихъ положеніе*, которое я обосновываю подробно и внимательно, поясняя мои выводы цѣлымъ рядомъ наглядныхъ примѣровъ и ссылкой на соответственныя мѣста въ моихъ другихъ сочиненіяхъ, въ которыхъ отдѣльные пункты моей аргументаціи были раскрыты съ большею детальною. Не менѣе страннымъ показалось мнѣ отнесеніе къ числу метафизическихъ доводовъ, къ которымъ я былъ вынужденъ прибѣгнуть, моего указанія на ученіе о зломъ божествѣ, у котораго одна задача—вводить въ обманъ свое единственное разумное твореніе (Псих., стр. 76). Какъ же опять-таки А. И. Введенскій не замѣтилъ, что этотъ доводъ приведенъ никакъ не въ защиту моего собственнаго взгляда, а, совсѣмъ наоборотъ, выдвигается мною въ качествѣ одного изъ немногихъ мыслимыхъ, хотя по существу весьма слабыхъ, доводовъ въ пользу *отрицанія* чужого одушевленія, причемъ однако я заботливо оговариваюсь, что и на этотъ слабый доводъ А. И. Введенскій сослаться не можетъ, потому что онъ отъ всякой метафизики отказался (Вопр. фил. и псих., кн. 19 стр. 79). Вообще приходится напомнить проф. Введенскому, что даже и мысли своихъ противниковъ слѣдуетъ прочитывать въ ихъ дѣйствительномъ контекстѣ.

Изложенныя соображенія даютъ мнѣ право заявить, что проф. А. И. Введенскій безъ достаточныхъ основаній уклонился отъ спора со мною и что онъ не исполнилъ принятаго на себя обязательства.

Л. Лопатинъ.